

·the big book·
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ЛЕЙТЕНАНТ
ХОРНБЛАУЭР
Рука судьбы

КАПИТАН
ХОРНБЛАУЭР
Под стягом победным

АДМИРАЛ
ХОРНБЛАУЭР
Последняя встреча

СЕСИЛ СКОТТ ФОРЕСТЕР

КАПИТАН
ХОРНБЛАУЭР

ПОД СТЯГОМ ПОБЕДНЫМ

Санкт-Петербург

Все по местам!

I

Только что рассвело, когда капитан Хорнблауэр вышел на шканцы «Лидии». Буш, первый лейтенант, нес вахту. Он козырнул, но не заговорил — за семь месяцев в море он неплохо изучил привычки своего капитана. В первые утренние часы с ним нельзя заговаривать, нельзя прерывать ход его мыслей.

В соответствии с постоянно действующим приказом — подкрепленным уже и традицией (вполне естественно, что за столь невероятно долгое плавание сложились свои традиции) — Браун, рулевой капитанской шлюпки, проследил, чтобы матросы чуть свет выдраили и присыпали песком подветренную сторону шканцев. Буш с вахтенным мичманом при первом появлении капитана отошли на наветренную сторону, и Хорнблауэр немедленно начал расхаживать взад-вперед, взад-вперед по двадцати одному футу палубы, посыпанной для него песком. С одной стороны его прогулку ограничивали платформы шканцевых каронад, с другой — ряд рымболтов для крепления орудийных талей. Участок палубы, по которому Хорнблауэр прогуливался каждое утро в течение часа, имел пять футов в ширину и двадцать один в длину.

Взад-вперед, взад-вперед шагал капитан Хорнблауэр. Хотя он с головой ушел в свои мысли, подчиненные по опыту знали — его моряцкое чутье все время настороже. Не отдавая себе отчета, он следил за тенью грот-вант на палубе, за ветром, холодившим его щеку, и, стоило рулевому хоть немного оплошать, отпускал замечание, тем более резкое, что его потревожили в этот, самый значительный из дневных часов. Так же неосознанно он примечал и все остальное. Проснувшись на койке,

он сразу увидел по указателю компаса над головой, что курс — норд-ост, тот же, что и предыдущие три дня. Выйдя на палубу, он машинально отметил, что ветер с запада слабый и корабль под всеми парусами до бом-брамселей идет со скоростью, едва достаточной для управления рулем, что небо — вечно-голубое, как всегда в этих широтах, а море — почти совсем гладкое, и лишь долгие пологие валы монотонно вздымают и опускают «Лидию».

Первой осознанной мыслью капитана Хорнблауэра была такая: Тихий океан по утрам, синий вблизи и светлеющий к горизонту, похож на геральдический лазурно-серебряный щит. Он едва не улыбнулся: вот уже две недели он каждое утро ловил себя на этом сравнении. И сразу мозг его заработал четко и быстро. Он посмотрел на шкафут, увидел, что матросы драят палубу, прошел вперед — на главной палубе та же картина. Матросы переговаривались обычными голосами. Дважды он слышал смех. Это хорошо. Люди, которые так говорят и смеются, вряд ли замышляют мятеж — а капитан Хорнблауэр в последнее время постоянно держал в голове такую возможность. За семь месяцев в море корабельные запасы почти истощились. Неделю назад он срезал выдачу воды до трех пинт в день — маловато на десяти градусах северной широты при рационе из солонины и сухарей, особенно если вода эта семь месяцев простояла в бочках и кишит зеленой живностью.

Тогда же, неделю назад, последний раз давали лимонный сок. Уже в этом месяце надо ждать цингу, а доктора на борту нет. Хэнки, корабельный врач, скончался у мыса Горн от сифилиса и алкоголизма. Весь последний месяц табак выдавали по пол-унции в неделю — хорошо, что Хорнблауэр взял весь табак под свой личный контроль, иначе безмозглые матросы уже сжевали бы весь запас, а на людей, лишенных табака, полагаться нельзя. Он знал, что нехватка табака тревожит матросов больше, чем недостаток дров, из-за которого им ежедневно дают солонину, едва доведенную до кипения в морской воде.

Нехватка табака, воды и дров была тем не менее пустяком в сравнении с неминуемой нехваткой рома. Хорнблауэр еще не решился срезать дневную раздачу, и рома на корабле остава-

лось всего на десять дней. Лучшая в мире команда, если ее лишить рома, станет ненадежной. Они сейчас в Южном море¹, на две тысячи миль вокруг нет ни одного британского корабля. Не так далеко к западу лежат сказочные острова, там живут красивые женщины, а пища достается без труда. До счастливой, беспечной жизни рукой подать. Какой-нибудь негодяй, осведомленный лучше других, может бросить намек. Сейчас его оставят без внимания, но позже, лишенные блаженного перерыва на грог, матросы начнут прислушиваться. С тех пор как соблазненная чарами Тихого океана взбунтовалась команда «Баунти»², каждый капитан корабля его британского величества, заброшенный в эти воды велением службы, неизбежно мучился страхами.

Хорнблауэр, шагая по палубе, вновь пристально вгляделся в матросов. Семь месяцев в море без единого захода в порт дали ему блестящую возможность превратить шайку завербованных или собранных по тюрьмам людей в настоящих моряков, но они слишком долго не видели никакого разнообразия. Чем скорее корабль достигнет побережья Никарагуа, тем лучше. Поездка на берег развлечет людей, можно будет раздобыть воду, свежую пищу, табак и спиртное. Хорнблауэр мысленно вернулся к недавним расчетам местоположения. В широте он был уверен, а проведенные прошлой ночью наблюдения Луны вроде бы подтвердили хронометрические определения долготы — хотя трудно поверить, что на хронометры можно полагаться после семи месяцев в море. Менее чем в ста милях впереди, самое большое — в трехстах лежит тихоокеанское побережье Испанской Америки. Кристел, штурман, видя уверенность Хорнблауэра, только качал головой, но Кристел — старый дурак и никудышный навигатор. Ладно, ближайšie два-три дня покажут, кто был прав.

¹ Так с XVI по XVIII в. называли южную часть Тихого океана. — *Здесь и далее — примеч. перев.*

² Мятеж на британском корабле «Баунти», отправленном на Таити за саженцами хлебного дерева, произошел весной 1789 г. Матросы под предводительством первого помощника высадили капитана с немногими оставшимися верными ему членами команды в шлюпку, а сами вернулись на острова, где основали собственную колонию.

И тут же в голове у Хорнблауэра заворочались новые проблемы: как провести эти два или три дня. Людей нужно занять. Ничто так не способствует мятежу, как длительное безделье, — те десять отчаянных недель, пока огибали мыс Горн, Хорнблауэр мятежа не боялся. В предполуденную вахту он объявит учебную тревогу и потренирует матросов в стрельбе — по пять выстрелов из каждой пушки. Отдача на время замедлит продвижение судна, но тут ничего не попишешь. Быть может, это последнее учение перед тем, как пушкам придется стрелять всерьез.

Мысль о предстоящих учениях дала Хорнблауэру новую пищу для размышлений. Пять выстрелов из каждой пушки — это примерно тонна пороха и ядер. Осадка «Лидии» и так уменьшилась, поскольку припасы на исходе. Хорнблауэр мысленно представил трюм фрегата и взаимное расположение кладовых. Пора вновь обратить внимание на дифферент. После того как матросы пообедают, он прикажет спустить шлюпку и обойдет вокруг корабля на веслах. Он ожидал, что увидит легкий дифферент на корму. Завтра, возможно, надо будет передвинуть каронады № 1 на полубаке туда, где они стояли первоначально. Пока он будет осматривать корабль, придется убавить парусов. Значит, можно сделать все как следует и дать Бушу погонять команду наверху. Буш, как и пристало первому лейтенанту, питает слабость к такого рода учениям. Сегодня команда сможет побить свой прежний рекорд — одиннадцать минут пятьдесят одна секунда на постановку стеньг и двадцать четыре минуты семь секунд, считая с момента установки стеньг, чтобы поднять все паруса. И тот и другой результат — в этом Хорнблауэр был с Бушем солидарен — далеко не предел: многие команды управляются быстрее, по крайней мере, если верить их капитанам.

Такелаж тихонько зашептал. Значит, ветер крепчает. Судя по холодку на шее и щеке — еще и отошел на румб или два. Едва отметив эти изменения и начав гадать, скоро ли заметит их Буш, Хорнблауэр услышал, как зовут вахту. Мичман Клэй громкозвучно сзывал ютовую команду. Когда они покидали Англию, у мальчика ломался голос; с тех пор он научился им вла-

деть, а не взвизгивать и хрипеть попеременно. Все так же не обращая видимого внимания на происходящее, не прерывая прогулки, Хорнблауэр вслушивался в привычную последовательность звуков. Вахта с топотом бежала к брасам на корму. Хлопок и вскрик сообщили Хорнблауэру, что боцман Гаррисон саданул тростью какого-то неповоротливого или просто незадачливого матроса. Гаррисон — отличный моряк, но у него есть одна слабость: обожает припечатать тростью хороший округлый зад. Всякий, на ком штаны сидят в обтяжку, вполне мог заработать рубец на задку единственно по этой причине, особенно если ему по обязанности случилось нагнуться в тот момент, когда Гаррисон проходит мимо.

Размышления о слабости Гаррисона занимали Хорнблауэра почти все время, что паруса брасопили по ветру; они оборвались в тот момент, когда Гаррисон выкрикнул: «Стой!» — и вахта побрела к своим прежним делам. Дин-дон, дин-дон, дин-дон, динь — пробил колокол. Семь склянок утренней вахты. Хорнблауэр уже перегулял свой установленный час и с удовлетворением чувствовал под рубашкой капельки пота. Он подошел к стоящему подле штурвала Бушу.

— Доброе утро, мистер Буш, — сказал капитан Хорнблауэр.

— Доброе утро, сэр, — сказал Буш, в точности как если бы капитан Хорнблауэр не прохаживался час с четвертью в четырех ярдах от него.

Хорнблауэр посмотрел на доску, где записаны показания лага за последние двадцать четыре часа. Ничего особенно примечательного — три узла, четыре узла с четвертью, четыре узла и так далее. Курсовая доска свидетельствовала, что все сутки корабль шел на северо-восток. Капитан чувствовал на себе пытливый взгляд первого лейтенанта и знал, что тот изнывает от желания задать вопрос. Лишь один человек на борту знал, куда направляется «Лидия», — сам Хорнблауэр. Он вышел в море с запечатанными приказами и, вскрыв их, согласно указаниям, на 30° N 20° W, не счел нужным ознакомить первого лейтенанта с их содержанием. Семь месяцев лейтенант Буш успешно перебарывал искушение спросить, но напряжение уже заметно на нем сказывалось.

— Кхе-хм, — Хорнблауэр прочистил горло. Ни слова не говоря, он повесил доску на место, спустился по трапу и вошел в спальную каюту.

Бушу не повезло. Хорнблауэр не опасался, что тот разболтает содержание приказов, и оставлял его в неведении совсем по иной причине. Хорнблауэр боялся собственной болтливости. Пять лет назад, впервые выйдя в море капитаном, он не сдерживал природной общительности, а тогдашний первый лейтенант, злоупотребляя капитанской слабостью, дошел до того, что обсуждал чуть ли не каждый его приказ. В прошлом плавании Хорнблауэр постарался ограничить общение с первым лейтенантом рамками обычной вежливости, но обнаружил, что постоянно за них выходит. Стоило ему открыть рот, он, к своему последующему огорчению, успевал наговорить лишнего. На сей раз он вышел в море с твердым намерением (подобно зарекшемуся пить пьянице) ничего без необходимости не говорить, а приказы, настаивавшие на соблюдении строжайшей секретности, только укрепили его решимость. Семь месяцев он держал зарок, делаясь молчаливее день ото дня, пока противоестественная сдержанность не стала второй натурой. В Атлантическом океане он еще иногда беседовал с мистером Бушем о погоде. В Тихом он снисходил лишь до того, чтобы прочистить горло.

Крохотная спальня была отгорожена от главной каюты переборкой. Одну ее половину занимала восемнадцатифунтовая пушка, на другой еле-еле помещались койка, письменный стол и сундук. Вестовой Полвил положил бритву и кожаную чашку на кронштейн под зеркальцем в переборке и вжался в письменный стол, давая капитану войти, — два человека с трудом помещались в тесной каюте. Полвил ничего не сказал. За эту немногословность Хорнблауэр его и выбрал — даже в общении со слугами он вынужден был постоянно оставаться начеку, чтобы не впасть в навязчивый грех болтливости.

Хорнблауэр стянул мокрую рубашку и штаны, побрился, стоя нагишом перед зеркалом. Лицо, которое там отражалось, не было ни красивым, ни уродливым, ни молодым, ни старым.

Печальные карие глаза, довольно высокий лоб, довольно прямой нос; рот, сжатый с твердостью, приобретенной за два-

дцать лет морской службы. Непослушные каштановые кудри уже начали редеть, отчего лоб казался еще более высоким. Это раздражало капитана Хорнблауэра, он с отвращением сознавал, что лысеет. Заметив это, он вспомнил и о другом источнике своих огорчений. Он посмотрел вниз на свое нагое тело. Он строен и мускулист — вполне приятная фигура, когда он распрямляется на все свои шесть футов. Но там, где кончались ребра, неопровержимо присутствовал округлый животик, уже выдававшийся за линию ребер и подвздошной кости. Хорнблауэр с редкой в его поколении силой не желал толстеть. Мерзко было думать, что его стройное гладкое тело обезобразит неприглядная выпуклость; вот почему он, человек, в общем-то, ленивый и внутренне чуждый распорядку, принуждал себя каждое утро прогуливать по шканцам.

Он закончил бриться, отложил бритву и кисточку Полвилу для мытья и подождал, пока тот накинет ему на плечи ветхий саржевый халат. Вместе они вышли на палубу и подошли к баковой помпе. Там Полвил снял с него халат и принялся качать помпой соленую забортную воду, пока капитан сосредоточенно поворачивался под струей. Когда душ был окончен, Полвил накинул халат на мокрые плечи капитана и следом за ним спустился в каюту. Чистая льняная рубашка (ветхая, но тщательно заштопанная) и белые штаны лежали на койке. Хорнблауэр оделся. Полвил подал ему потертый синий сюртук с потускневшим галуном и шляпу. Все это без единого слова, так Хорнблауэр вышколил себя, подчиняясь добровольному обету молчания. Ненавистник рутин, он, избавляясь от необходимости говорить, настолько закоснел в рутине, что, как обычно, вышел на палубу в точности с первым ударом восьми склянок.

— Все наверх экзекуцию смотреть? — спросил Буш, козыряя.

Хорнблауэр кивнул. Боцманматы засвистели в дудки.

— Все наверх экзекуцию смотреть! — орал Гаррисон с главной палубы, и вскоре матросы выстроились в ряды на предписанных местах.

Хорнблауэр с каменным лицом застыл у шканцевых поручней. Он стыдился, что считает экзекуцию зверством, что

назначает ее против воли и смотрит через силу. Две или три тысячи порок, виденные им за последние двадцать лет, ничуть его не ожесточили; напротив, он горестно сознавал, что теперь переносит их гораздо болезненнее, чем семнадцатилетним мищманом. Но сегодняшней порки было не избежать. Некий валлиец по имени Оуэн никак не мог отучиться плевать на палубу. Буш, не советуясь с капитаном, поклялся, что будет пороть его за каждый плевок, и Хорнблауэр, дисциплины ради, вынужден был своей властью скрепить это решение, даже сознавая, что обещанное наказание вряд ли пойдет впрок идиоту, которого не остановила угроза порки.

К счастью, все кончилось быстро. Боцманматы привязали обнаженного по пояс Оуэна к грот-вантам и под барабанный бой выпороли его. Оуэн, вопреки обыкновению других матросов, орал от боли всякий раз, как девятихвостая кошка впиалась ему в спину, и дергался, молотя по палубе босыми ступнями, пока под конец назначенных ему двух дюжин не обвис на привязанных руках тихий и недвижимый. Его окатили водой и отнесли вниз.

— Матросам завтракать, мистер Буш, — бросил Хорнблауэр. Он надеялся, что тропический загар скрыл от окружающих его бледность. Истязать несчастного полудурка — не лучший способ скоротать время до завтрака, а что особенно мерзко, он сам во всем виноват: не нашел в себе ни решимости, чтобы прекратить порку, ни изворотливости, чтобы выбраться из тустика, в который загнал его своим решением Буш.

Шеренга офицеров на шканцах рассыпалась. Джерард, второй лейтенант, принял у Буша вахту. Корабль — словно волшебная мозаика: кто-то встряхнул ее, перемешал кусочки, а они тут же выстроились в новом, закономерном порядке.

Хорнблауэр спустился в каюту. Полвил уже накрыл к завтраку.

— Кофе, сэр, — сказал Полвил. — Рагу.

Хорнблауэр сел. За семь месяцев в море все деликатесы давным-давно кончились. «Кофе» представлял собой черный отвар пережаренного хлеба, и единственное, что можно было сказать в его пользу, так это что он сладкий и горячий. Словом

«рагу» именовалась неопишемого вида мешанина толченой сахарной крошки и рубленой солонины. Хорнблауэр ел рассеянно. Лево́й рукой он постукивал по столу галетой, чтобы жучки успели вылезти к тому времени, когда он закончит рагу.

Он ел, а до него беспрестанно доносились корабельные звуки. Всякий раз, как «Ли́дия» приподнималась на гребне волны, все ее деревянные части поскрипывали в унисон. Над головой стучали башмаки расхаживающего по шканцам Джерарда и временами раздавалась быстрая поступь мозолистых матросских ног. Ближе к носу монотонно лязгали помпы, выкачивая воду из внутренностей судна. Но все эти звуки были преходящи, и лишь один не смолкал никогда, так что ухо привыкало к нему и не различало, пока специально не обратишь внимание, — шелест ветра в бесчисленных тросах такелажа. То было еле слышное пение, гармония тысяч высоких тонов и полутонов, но оно звенело по всему судну, передаваемое по древесине от русленей вместе с медленным, размеренным скрипом.

Хорнблауэр доел рагу и обратился взором к галете, которой прежде постукивал по столу. Он созерцал ее со спокойным отворачиванием — неважная пища, к тому же без масла (последний бочонок прогорк месяц тому назад), и сухие крошки придется запивать кофе из пережаренного хлеба. Но прежде, чем он успел откусить, с мачты раздался дикий крик. Хорнблауэр замер, не донеся до рта сухарь.

— Земля! — услышал он. — Эй, на палубе! Земля в двух румбах слева по курсу, сэр!

Это впередсмотрящий с фор-салинга окликал палубу. Хорнблауэр, по-прежнему держа руку с сухарем на весу, услышал на палубе шум и беготню — офицерам и матросам, равно не ведающим, куда они плывут, страстно хотелось увидеть землю — первую за три месяца. Он и сам был взволнован.

Сейчас выяснится, правильно ли он выбрал курс; мало того, возможно, в ближайшие двадцать четыре часа он приступит к исполнению опасной и трудной миссии, возложенной на него их сиятельствами лордами Адмиралтейства. Сердце учащенно

забилось. Он страстно желал, подчиняясь первому порыву, броситься на палубу, но сдержался. Еще больше он хотел предстать в глазах команды абсолютно невозмутимым и уверенным в себе человеком — и не из одного тщеславия. Чем больше уважения к капитану, тем лучше для корабля. С видом полного самообладания он закинул ногу на ногу и безучастно попил кофе, когда в дверь, постучавшись, влетел мичман Сэвидж.

— Мистер Джерард послал меня сказать, что слева по курсу видна земля, сэр, — выговорил Сэвидж.

Общее волнение было так заразительно, что он с трудом стоял на месте. Хорнблауэр заставил себя еще раз отхлебнуть кофе и лишь потом заговорил очень медленно и спокойно.

— Скажите мистеру Джерарду, я поднимусь на палубу, как только закончу завтракать, — сказал он.

— Есть, сэр.

Сэвидж стремглав вылетел из каюты; его большие неуклюжие ноги застучали по трапу.

— Мистер Сэвидж! Мистер Сэвидж! — заорал Хорнблауэр. Широкое лицо мичмана вновь появилось в двери.

— Вы забыли закрыть дверь, — сказал Хорнблауэр холодно. — И пожалуйста, не шумите так, поднимаясь по трапу.

— Есть, сэр, — отвечал совершенно уничтоженный Сэвидж.

Хорнблауэр удовлетворенно потянул себя за подбородок. Он вновь отхлебнул кофе, но силы откусить сухарь уже не нашел. Подгоняя время, он забарабанил пальцами по столу.

С салинга долетел голос Клэя, — очевидно, Джерард велел мичману взять подзорную трубу и подняться туда.

— Похоже на огнедышащую гору, сэр. Две огнедышащие горы. Вулканы, сэр.

В ту же секунду Хорнблауэр начал припоминать карту, которую столько раз изучал, уединившись в своей каюте. Все побережье усеяно вулканами; присутствие двух слева по курсу отнюдь не позволяет точно определить положение судна. И все же... все же... Вход в залив Фонсека отмечен именно двумя вулканами слева по курсу. Вполне возможно, что он вывел корабль в точности к цели — через одиннадцать недель после